



Владимир Игнатьевич Курашов –
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
и истории науки Казанского национального
исследовательского технологического
университета

Что есть Россия?

Философская точка зрения

О любви к Родине, патриотизме и национализме

Любовь к Родине — то, что естественно присутствует в душе каждого нормального человека. Любовь не может возникнуть по принуждению, но она может быть скрыта суетой повседневности, например, потребительским мышлением.

Говоря о любви к Родине, следует сказать о патриотизме. Патриотизм — это, конечно, любовь к Родине. Удачное, на мой взгляд, дополнительное разъяснение понятия «патриотизм» дал Гегель в «Философии права». Он заметил, что обычно под патриотизмом понимают чувство, проявляющееся в критических для

государства ситуациях, когда дают о себе знать героические составляющие народного характера. На самом деле патриотизм, кроме таких крайних случаев, есть особое повседневное умонастроение. Это умонастроение выражает дух единого государства, его онтологические основы.

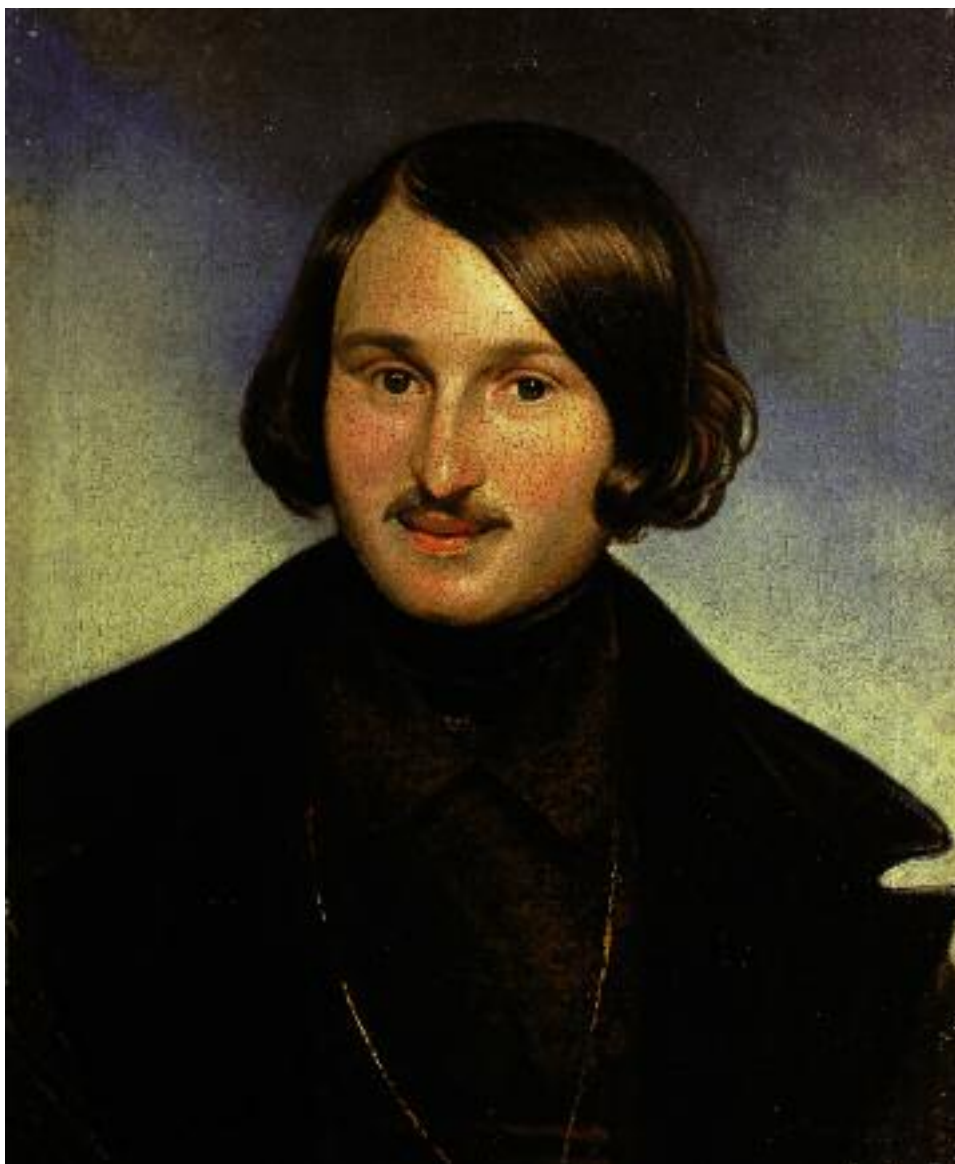
Нам в России разными способами внушают, что патриотизм — это архаизм. Вместе с тем в США, Франции, Израиле чувство патриотизма чрезвычайно глубоко, а патриотическая пропаганда исключительно сильна.

Часто путают понятия «национальная гордость» и «национализм». Национальная гордость — благород-

ное патриотическое чувство любви и уважения к достижениям своей нации, своего государства. Национализм — убежденность части представителей какого-либо народа в том, что уже только по генетическому признаку или этническому родству этот народ превосходит другие народы по интеллекту, доброте, чувству прекрасного, трудолюбию, чистоплотности и т.п.

Национализм имеет отнюдь не этническое и религиозное основания — это способ самоутверждения людей, далеких от духовных ценностей — истины, добра и красоты. Национализм является основой вражды между народами и причиной конфликтов вплоть до кровопролития. Борьба с национализмом — одно из направлений поддержания стабильности государственной жизни.

Национализм как явление определяется тремя основными факторами. Первый фактор — индивидуально-психологический: националистами становятся люди, не проявившие себя ни в какой достойной и уважаемой области деятельности (неважно в чем: в портновском деле, в науке, искусстве, политике), и им не остается ничего иного, как твердить о достоинствах своей нации. Второй фактор связан с первым: национальная идентичность определяется такими людьми только по генетическому (биологическому, «кровному») — словом, животному — признаку. Третий фактор, в свою очередь, определяется предыдущими: ограниченные и несамодостаточные люди создают миф-идеологию с преувеличением достоинств своей нации, причем чаще всего со сравнительными характеристиками превосходства своей нации по отношению к другим. Как написано в «Философском словаре» под редакцией Эрнеста Радлова,



Николай Гоголь:

«Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви нас ведет теперь Сам Бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри ее и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А сострадание есть уже начало любви».

изданном еще в 1914 году, «понятие “национальность”, узко понятое, ведет к национализму, противоречащему лучшим идеалам человечества».

Генетическая характеристика не имеет существенного отношения к национальной идентичности. Можно привести тысячи примеров, когда люди, имеющие чужеродные корни, но родившиеся или выросшие в соответствующем национальном окружении, являются подлинными предста-

вителями этого окружения. Африканская кровь Пушкина не помешала ему стать великим русским национальным поэтом и одним из творцов русского литературного языка. Высокие этические нормы и уровень интеллекта не могут быть свойственными только отдельным нациям, они присущи всем народам в равной степени. Эта установка дезавуирует шовинизм. Национальная идентичность не может выражаться в превосход-

Иван Билибин. Иллюстрация к сказке «Поди туда – не знаю куда». Андрей-стрелок и Стрельчиха. 1919 год



Народная сказка есть выражение духа народа, и она есть «заговор» на будущее, то есть «заговор» на сохранение национального характера.

стве одного народа над другим по умственным способностям и по умению нести добро. Более и менее умными, более и менее добрыми могут быть только отдельные люди. И то только могут, поскольку «не судите, да не судимы будете» (Матф. 7:1). Другое дело —

выделение особенностей народа по направлениям интеллектуальной деятельности, по предпочтениям жанров, техники и форм изобразительных средств в искусстве, по традициям жизнеустройства, взаимоотношениям в семье, взаимоотношениям поддан-

ных и власть имущих, отношению к власти и политике, по приверженности к строгому укладу или к свободному жизнеустройству. Выявление таких отличий между этносами нельзя назвать негуманным или националистическим, поскольку как люди, так и этносы неодинаковы по своему природному предназначению в смысле их миссии (но, безусловно, они все равны в религиозно-этическом отношении, в отношении к добру и злу, к любви и дружбе, в сопричастности высшему Началу мироздания).

Любовь к матери и Родине естественна и не определяется практическими соображениями. Мы любим своих родителей и Родину не столько за то хорошее, что мы получили от них в нашей жизни, сколько за то, что мы от них произошли. Мы есть преемственная часть нашей родословной, и не любить родителей и Родину — это также ненормально, как не любить самого себя. Как сказано, «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Матф. 22:39), то есть если мы не любим себя, то у нас нет причины любить других людей.

Приведу слова Гоголя: «Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви нас ведет теперь Сам Бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри ее и которых виноваты мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А сострадание есть уже начало любви». А Розанов писал: «Счастливую и веселую родину любить невелика вещь. Мы ее должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна». Что касается любви к другим народам, то здесь также первична любовь к своему народу. Не умея любить свой народ и себя вместе с ним, не смо-

жешь полюбить и другой народ.

О национальной идее и российской ментальности

Национальная идея — сущность нации: то, что является главным в национальной идентичности, то, что определяет узнаваемость нации при всей исторической изменчивости ее существования.

Понятия «идея нации», «сущность нации», «природа нации» содержат почти один и тот же смысл сущности нации. К сожалению, в современной России нет ясно сформулированной и общепризнанной концепции национальной идеи, отсюда — несовершенство национальной политики. Когда национальная идея познается и высказывается в понятной для многих форме, можно говорить о выявлении народом своей идентичности, о пробуждении национального, или этнического, самосознания.

Если в государстве изживаются национальная идея и вообще какие-либо идеи духовного сплочения, то без нравственного ветрила остается и становится главной одна общечеловеческая идея — нажива.

Труд, посвященный национальной российской идее, сталкивается с проблемами его восприятия и приятия народами, исповедующими иные, чем православие, и иные, чем христианство, религии. Другие народы не станут возражать, что православие — одна из ипостасей российской идентичности, но для них истинно то, во что они верят. Следовательно, миссия России как распространительницы православия в мире далеко не всеми принимается. К счастью, здесь нет проблем. Так как христианство обращается к каждому человеку с тем, чтобы он спасся в первую

очередь сам, то вполне естественно, что миссия России — хранение, а не распространение православия. По истории видно, что Русская православная церковь менее активна в миссионерской деятельности, чем Католическая или Протестантская церкви.

Ясное осознание своего «я» и его основ, то есть своей целостности, может обеспечить стабильную здоровую жизнь, устойчивую к случайным и преднамеренным дезорганизующим воздействиям как отдельного человека, так и народа. Смещения национального «я» или внушение народу чувства нелюбви к самому себе вредны для здоровья народа. Кстати, показательно, что русское слово «целить» имеет изначальный смысл «делать целым», то есть восстанавливать целостность организма. Народ может ясно не познать и не осознать свою природу, но может жить в соответствии с ней, если он знает предания, фольклор, поддерживает традиции. Тогда дух народа не покинет его и будет его незримым путеводителем. Именно традиции и предания раскрывают национальную ментальность и определяют национальную идентичность.

Природа народа, сущность его идентичности — метафизический объект, то есть объект, в существовании которого мы убеждены, но вместе с тем осознаем невозможность его познания научными методами, в пределах возможного опыта. Отсюда следует, что нам чрезвычайно трудно выявить предикаты такого объекта, как природа нации, хотя и не надо отказываться от познания его. Здесь успокаивает уверенность в единой природе того или иного этноса (народа, нации). Безотносительно к тому, познали мы ее или нет, она определяет органичную целостность народа, его имманентное единство.

Инвариантами национальной уникальности (идентичности) являются своеобразные ментальность, традиции и миссия. Ментальность — это особенности стиля мышления и мировосприятия. Без своеобразия ментальности нет и нации как особой целостности в человеческом сообществе. Источник понимания ментальности народа — это национальная духовная культура: фольклор, философия, искусство, произведения национальных мыслителей. Проблема здесь только в выделении национального и интернационального в каждой из названных сфер. Носителями национального духа, на которых взращивается национальная ментальность, являются все составляющие духовной культуры. Это язык, фольклор, религия, философия, изобразительное искусство, литература, музыка, архитектура. Наиболее «чистый объект» — национальный фольклор, который выражает общие духовные черты народа, и если в фольклоре что-то заимствуется, то только то, что соответствует его природе. Национальная ментальность выражается в традициях и раскрывается на их основе. Традиции же — это исторически выверенное выражение духа народа. А если это так, то национальная ментальность — это необходимый «воздух» нации.

Наилучшим образом душа народа, надо думать, представлена в результатах его коллективного творчества, прошедшего через века и проверенного временем. Фундаментальной эмпирической основой для исследования национальной ментальности является коллективное анонимное творческое самовыражение народа — фольклор, то есть мифы и сказки, пословицы и поговорки. Иными словами — выразители и носители природы и духа народа. Шеллинг во-



Весьма ярко русский дух проявляется в сказках (сказах) Павла Бажова. Вот как он выражает русский эстетический идеал в сказке «Каменный цветок»: «То и горе, что похаять нечем, – говорит мастер Данила о малахитовой вазе, которую он сделал по столичному чертежу, – гладко да ровно, узор чистый, резьба по чертежу, а красота где? Вон цветок... самый что ни есть плохонький, а глядишь на него – сердце радуется. Ну, а эта чаша кого обрадует? На что она? Кто поглядит, всяк, как вон Катенька, подивится, какой-де у мастера глаз да рука, как у него терпенья хватило нигде камень не обломить».

обще полагал, что народ не создает мифы, а «зарождается» одновременно с ними.

Народная волшебная сказка – фундаментальный эмпирический материал для понима-

ния народной души, духовных основ нации. В сказке в образно-символической форме («сказка – ложь, да в ней намек») две ипостаси духовной народной жизни – душа и ум, или психика и интеллект – связаны между собой предельно органично. Выявляя и систематизируя философские смыслы народной сказки, мы выявляем психологическую особенность мышления народа, то есть его ментальность.

Народная мудрость и народные озарения, содержащиеся в сказках, не только реальны, но и являют сущность – или идею – народа и выражаются в его ментальности. В сказках речь идет об идеях и чувствах, присущих природе народа в целом в течение всего времени его существования.

Каждый текст создается для прочтения в будущем. Следовательно, каждый текст, переходя в будущее, влияет на него. Народная сказка есть выражение духа народа, и она есть «заговор» на будущее, то есть «заговор» на сохранение национального характера.

Другими словами влияние народной сказки (вообще фольклора, национальной мудрости) на наше национальное сознание не может быть полностью выявлено, но это влияние существует, и оно идет на пользу нации: ведь в народе остаются только те сказки, с которыми живут многие поколения.

Православная традиция России поддерживается созерцательно-творческим российским менталитетом с характерным стремлением к прорыву за пределы обывательской заданности. Это ярко выражено в нарицательных образах фольклорных иванов-дураков и емелюшек.

Оправдание жизненной мудрости героев русских народных сказок – Ивана-дурака и Емелюшки – не требует боль-



ших усилий. Иван-дурак не как все. Он любит размышлять, созерцать мир — он мудрец, непонятный обывателям. Иван-дурак не любит ходить по воду или колоть дрова, но это не выражение русской лени, так как любой народ не любит рутинную работу. Однако в каждом народе есть мудрецы, для которых духовная жизнь важнее физической жизни тела. Иван-дурак поступает не как все: едет не туда, покупает не то, говорит не как принято. Поэтому он прорывается через заданный обыденным опытом ход действий. В награду он получает не столько богатство, сколько подтверждение правильности своего подхода к жизни. Несмотря на свободу в мыслях и действиях, Иван-дурак верен заветам родителей. Герои русских сказок — иваны, емили, царевичи и добры молодцы — выбирают на распутье рискованный путь, который приближает их к первичному во-

Пространство российской деревянной архитектуры органично сочетает идею частной жизни и жизни в общении («в миру»).

просу человеческого существования: «В чем смысл жизни?» В своих поисках они не боятся риска, приговаривая, что «семи смертям не бывать, а одной не миновать», «Бог не оставит, свинья не съест». Человеку свойственно планировать свое будущее как продолжение состоявшегося прошлого и переживаемого настоящего. В таком случае «лучшее» — это просто нечто, лучше известного. Русскому человеку свойственно ожидать лучшего, которое не вытекает из его наличного опыта, это и есть метафизическое стремление к лучшему. Такая идея неоднократно воспроизводится в русских сказках, когда, например, младшая дочь желает, чтобы отец привез ей либо перышко Финиста — Ясного Сокола, либо чудный аленький цветочек.

Взрослые не читают сказок не только потому, что им внушили мысль, мол, сказки читают в детстве, но и потому, что взрослые, «рекрутированные» ценностями общества материального потребления, уже «закрыты» для мудрости. Но все же когда бы мы ни слушали или ни читали русские народные сказки — они в нашем сознании. Если кто-либо с ними не был знаком во все — он не вполне русский. Весьма ярко русский дух проявляется в сказках (сказах) Павла Бажова. Вот как он выражает русский эстетический идеал в сказке «Каменный цветок»: «То и горе, что похаять нечем, — говорит мастер Данила о малахитовой вазе, которую он сделал по столичному чертежу, — гладко да ровно, узор чистый, резьба по чертежу, а красота где? Вон



Целые тома, издаваемые по психологии общения, может заменить короткая сказка «Гуси-лебеди», в которой выражается русская народная мудрость: относись внимательно ко всякому, с кем общаешься, и получишь то, чего желаешь, и даже сверх того – вот коренной смысл сказки.

цветок... самый что ни есть плохонький, а глядишь на него – сердце радуется. Ну, а эта чаша кого обрадует? На что она? Кто поглядит, всяк, как вон Катенька, подивится, какой-де у мастера глаз да рука, как у него терпенья хватило нигде камень не обломить». Данилушка выражает отнюдь не натуралистический идеал, а

идеал жизненности, который может быть выражен внешне несовершенными формами. Это, замечу, относится и к выразительности научно-философских текстов. Сведение философского слова к логическим формам выхолащивает выразительность мысли. Поэтому континентальная философия (русская религиозная

философия, французский и немецкий экзистенциализм) отличается от островной английской и североамериканской философии (эмпиризма, позитивизма, прагматизма, аналитической философии), а философия в искусстве и философские национальные ориентации заметно связаны.

Если русский не работает, то он размышляет. Я специально употребил некорректное выражение, чтобы выделить мысль: есть физическая работа, есть умственная работа – следовательно, не работают только люди, ведущие растительно-паразитический образ жизни. Русских таковыми никак не назовешь, и если умозрение, созерцание, размышления они часто предпочитают вкалыванию, то почему это плохо и какое отношение это имеет к лениности? Приведу слова из письма о. Павла Флоренского, написанного 15 июня 1910 г.: «Быть гостем в деревне – это значит быть обреченным на безделье. Так и я: провожу весь день, не имея ни минуты свободной: а если спросишь себя, что же делал, то не знаешь, что ответить. Вы сами знаете, что праздность у нас, русских, весьма велика, а от гостя в деревне и по положению, и по этикету требуется праздность максимальная. Правда, я *думаю* (курсив мой. – В.К.) много и упорно».

Характерные черты русской ментальности

Обозначим лишь некоторые – наиболее значимые:

- ♦ постановка вопроса о смысле жизни и постоянный поиск ответа на него;
- ♦ философская созерцательность с явной тенденцией к метафизическим размышлениям, а также к практической «метафизике целей и ожиданий» и «метафизике поступка»;

- ♦ установка на решение принципиальных жизненных задач нетрадиционным образом;
- ♦ приоритет силы духа над силой физической;
- ♦ значительно более высокая ценность общения, любви, верности заветам старших, сострадания к людям и животным по сравнению с богатством и властью;
- ♦ убежденность в воздаянии счастьем за терпение, милость, сострадание, стойкость;
- ♦ утверждение свободы как основы счастья.

Понятие «счастье» в русской душе и ментальности не связано с обладанием властью и материальным достатком. Это одна из особенностей русского народа. Награда за нестяжание богатства и славы героям русских волшебных сказок, которая приходит к ним в виде богатств, имеет скорее метафорический смысл: награда — это метафора благодати, счастья, а не буквально деньги и власть.

Сохранение традиций, а вместе с этим утверждение национальной ментальности — вопрос национальной безопасности любого народа в смысле как здоровья нации, так и ее сохранения при жизни в среде чуждых (не путать с враждебными!) душевно-интеллектуальных складов других народов.

Можно сказать, что как у человека есть душа и тело, так и народ обладает телом, душой и соответствующими болезнями. Существуют психосоматические болезни, когда душевное состояние человека влияет на его физическое состояние. И душевное состояние народа может приводить к физическим болезням или выздоровлению его составляющих — людей. Как у человека нарушение самоидентификации (смещение «я») приводит к душевным расстройствам, так и нарушение самоиден-

тификации народа приводит его к душевному расстройству.

Культивирование почвенных основ национальной ментальности внутри государства способствует единству (соборности) народа значительно больше, чем государственно-бюрократические структуры. Распространение этих основ в других государствах — мощное средство внешней политики, которое способствует духовному утверждению народа в среде других народов. Отсюда граждане, которые работают за границей и пропагандируют традиции, искусство, язык своего народа, способствуют выполнению важной миссии укрепления национальной безопасности Отчизны во внешней международной сфере. Они, можно сказать, улучшают экологию своего народа. Поддержание и раскрытие национальных традиций всех народов России — принципиальный вопрос национальной безопасности.

Отечественная деревянная архитектура — принципиальный фактор формирования русского самосознания

Особая тема — отечественная архитектура. Архитектура всегда с нами — человек может не ходить в музеи и концертные залы, может даже не читать книг, но он не может миновать архитектуру. Особо значима для русского самосознания и воспитания патриотизма наша деревянная архитектура. Она является уникальным эстетическим явлением культуры. Дом, изба, избушка на курьих ножках, избушка лубяная (как противоположность избушки ледяной). Наконец, домовина (гроб)... Эти «древесные» понятия выступают как архетипы народно-

го сознания. Сознания, сформировавшегося в таком своеобразном природном месте, как Россия. Лес и его умирание, деревянная постройка и ее ветшание — явления цикличности природы, становления и разрушения, с которыми человек органично сочетается, с одной стороны, и противостоит им, создавая извечно прекрасное, — с другой.

Перечитывая сборник русских поэтов Серебряного века, я отметил, что какими бы разными они ни были и о чем бы ни писали, во многих стихотворениях представлены образы вечера и ночи, березы, ароматной черемухи, шума ветра и дождя. Вот строки из сонета Иннокентия Анненского «Ноябрь»:

*Как тускло пурпурное пламя,
Как мертвы желтые утра!
Как сеть ветвей в оконной раме
Все та же сегодня, что вчера...
В тумане солнце, как в неволе,
Скорей бы сани, сумрак, поле,
Следить круженье облаков
Да, упиваясь медным свистом,
В безбрежной зыбкости снегов
Скользить по линиям волнистым...*

В каменно-железобетонной высотке мы не увидим «сеть ветвей в оконной раме», не услышим шелеста листьев и постукивания веток о стекло. Такое жилье более или менее удобно для тела, но оно — не лучшее обиталище для души. Пространство русской деревянной архитектуры органично сочетает идею частной жизни и жизни в общении («в миру»).

Сейчас пошло поветрие вместо сохранения и реставрации историко-культурного наследия либо делать бутафорские «реставрации», когда за фасадом скрывается доходный дом из железобетона, либо сооружать «красоты-новоделы» в стиле театральных стилизованных декораций. Это вос-

принимают туристы, но это есть уход от исторической правды, то есть своеобразная форма лжи о нашем прошлом. Россия — громадная страна, самая большая страна в мире. И конечно, сохранение и приумножение деревянной архитектуры вполне возможно. У нас хватает ресурсов и денег, а в территориальном отношении если уж Америка до сих пор двухэтажная, то, естественно, и в России это возможно. Невольно обращает на себя внимание возрождение языческого культа фаллоса в архитектуре современной России. В частности, это проявляется в проектировании и строительстве небоскребов в городах, где таковое строительство нарушает историко-архитектурный облик и где можно найти место для больших бизнес-центров и административных сооружений — либо невысоких в центральной части, либо высоких на окраине. Пример Нью-Йорка — иное дело. Там строительство небоскребов было вызвано преимущественно экономическими соображениями, а кроме того в этом городе Нового Света не стоял остро вопрос об искажении его историко-архитектурного облика. Для России строительство небоскребов — совершенно ненужная вещь в любом смысле: информационном, транспортном, экономическом.

Целостность России есть следствие духовного единства народа

Единство и устойчивость большого государства — такого, например, как Россия, — невозможны только на основании государственно-бюрократической надстройки, то есть надстройки с силовыми и принудительными функциями. Большое число людей на большой территории не могут удерживаться только властью,

их целостность возможна в первую очередь за счет духовного единства.

Общинность русских — это не столько коллективизм как таковой, сколько именно общение, однокоренное со словом «общность». Частое и открытое общение — характерная черта русской натуры. В современном русском фольклоре есть анекдот, в котором двое мужиков пригласили третьего распить бутылку на троих и восклицают с недоумением: «А поговорить?!» — когда приглашенный третий собрался сразу после выпивки уйти. Высокая значимость близости и близкого общения в сильной образной форме выражена в сказке «Гуси-лебеди». Целые тома, издаваемые по психологии общения, может заменить эта короткая сказка. Когда девочка выкрала братца и побежала назад, всякий раз, когда ее нагоняли гуси-лебеди, ей помогали молочная река, яблоня, печка, но при условии, что девочка отведывала их угощения. В этом выражается русская народная мудрость: относись внимательно ко всякому, с кем общаешься, и получишь то, чего желаешь, и даже сверх того — вот коренной смысл сказки.

Стоит сказать о русской смеховой культуре на уровне государственной жизни. В предметной связи русская смеховая культура прослеживается и в народном, фольклорном, смехе, и в шутовском поведении Ивана Грозного, и в издевательском смехе протопопа Аввакума, и в шутовских собраниях Петра I. Уверен, что популярность Владимира Жириновского связана именно с тем, что он интуитивно или сознательно тонко выступает как выразитель утрачиваемой смеховой русской культуры. Речи и поведение Жириновского — балаганность (карнавальность), гротеск, шутовство, ошарашивающая

прямота — находят отклик в архетипах смеховой культуры жителей России.

Русская земля велика, и ее географический размах неотделим от истории русского народа и его идентичности. Смыслы слов «русская земля» и «русский народ» близки. В Древней Руси выражение «русская земля» обозначало и территорию, и российский этнос. Созерцание жизни на бескрайних просторах — мудрость российского этноса. То, что «доброхоты» относят к свидетельствам лениности русских, есть по существу способ высвобождения времени для бесед, размышлений, мыслительного созерцания в ущерб не столь важным суетным делам. Думаю, эта сущностная черта российского этноса в немалой степени обусловила его заботу о своей физической защищенности на большой территории с богатейшими ресурсами.

В России, можно сказать, живет один из самых мудрых этносов. Об этом свидетельствует уже тот неоспоримый факт, что Россия, несмотря на катаклизмы, продолжает оставаться самой большой по территории и ресурсам страной, а следовательно, и самой богатой. Именно земля и природные ресурсы — самое выгодное вложение. Это всегда давало нашему народу возможность более вдумчиво, философски относиться к жизни. Он никогда не был ленив и бездеятелен, как это пытаются порой представить, но он и не был склонным оказываться винтиком в механизме безудержной гонки производства ради материального потребления. Даже при отстающей технологии совокупные природные и духовные ресурсы страны свидетельствуют о том, что российский народ, бесспорно, один из самых мудрых, он приумножал богатства в созидательном и ратном труде.



Виктор Васнецов. С квартиры на квартиру. 1876 год

В нестабильной России во всей ее истории после крещения Руси неизменной и связующей народ духовной ипостасью была Православная церковь при всех переменах государственно-политических институтов и социально-экономической жизни. А это свидетельствует о том, что только религия может пройти через века как неизменная ипостась духовной связи людей. Это особенно важно для громадной России, где одними силовыми методами целостность государства не сохранишь. Даже Сталин создал культ и массовую идеологию, без которых на одном страхе он не смог бы быть вождем огромной страны и пассионарного народа. И нет тени сомнений в том, что право-

«Бедные люди» не только тема времен Федора Михайловича, но и тема нашей современности. Проблемы бедных людей у нас в СМИ мало освещаются и замещаются бедами людей, которые свойственны гражданам любого достатка, то есть преимущественно криминальной хроникой, – хитроумный ход увода от проблем малоимущего большинства России.

славие — органическая сущностная основа России. При этом совсем не обязательно для сохранения духовных основ целостности России, чтобы православие было государственной религией или чтобы все россияне были православными. Главное, чтобы незамутненная духовная атмосфера христианской веры охватывала всю территорию. Человек, например, не может жить без сердца и кровеносной системы, хотя система

кровообращения не единственная система организма человека. Сказанное несколько не противоречит идее свободы совести и мирного духа во взаимоотношениях различных конфессий. Вопрос о полноценном культурно-духовном развитии народов с различными вероисповеданиями — принципиальный вопрос стабильности многонационального и поликонфессионального государства.



**Русский народ протестует против подавления свободы куль-
том труда как в западном буржуазном, так и в советском ком-
мунистическом обществах. Здесь под трудом я понимаю труд
как таковой, без удовольствия, радости и творчества, то есть
труд, называемый в физике «работа».**

О национальной безопасности и военной доктрине

«Бедная свобода» на Родине
значительно важнее для рус-
ского человека, чем «богатая
несвобода» на чужбине.

Какой бы ни была риторика
политиков, совершенно оче-
видно, что для наиболее силь-
ных стран вряд ли желательно,
чтобы Россия была сильной в
военном отношении, произво-
дящей конкурентоспособные

промышленные и сельскохо-
зяйственные товары, распро-
страняющей свой язык и куль-
туру в другие страны — как это
происходит с английским язы-
ком и североамериканской
культурой. Поэтому если даже
не на уровне сознания, то на
уровне, если можно так выра-
зиться, «государственного бес-
сознательного» ясно, что каж-
дое государство заботится о
своем процветании — в том
числе за счет других. Можно
много говорить об этике меж-
государственных отношений,
можно говорить о взаимных
интересах — все это есть, но
если взаимные интересы не-
возможны, государство дей-
ствует, исходя из уже только
национальных интересов.

Северное расположение и
большая территория обес-
печивают России большую
безопасность и в экологиче-
ском отношении. Грядущее
потепление климата будет
весьма неблагоприятным для
теплых и низинных стран, в то
время как в России он станет
более мягким, и ее затопление
при таянии арктических лед-
ников не будет столь ката-
строфическим. В этом смысле
Россия может стать новым
земным Эдемом.

Другой защитный пояс России
— большая территория и не-
измеримые ресурсы. Правда,
российские компрადоры и
временщики вместе с запад-
ными «партнерами» энергич-
но этот пояс ослабляют.

Разрушение географических,
а также духовных границ чре-
вато если не гибелью народа,
то его вырождением как це-
лостного культурно-духовно-
го организма.

Война, конечно, непростой
феномен жизни человечества
уже только потому, что при
всей цивилизованности наро-
дов войны не утихают.

Война может рассматриваться
в трех измерениях. Во-первых,
в материально-физическом из-
мерении (войска, пушки, бом-

бы, ракеты). Во-вторых, в измерении душевной жизни людей (насаждение данному народу несвойственных ему инокультурных элементов). В-третьих, в измерении духовной жизни (внедрение чуждых духовных ценностей с вымыванием национальной ментальности). Война в третьем измерении наиболее опасна, поскольку физическая война может привести только к физическому порабощению народа, в то время как война, разрушающая менталитет, способна уничтожить народ как уникальную духовную целостность, если даже индивиды, его представляющие, в физическом смысле останутся живыми людьми.

Сказанное является, по сути, методологическими принципами национальной безопасности и так называемых национальных военных доктрин. Военная доктрина России должна рассматривать войну в названных трех измерениях. Тогда будет действительно целостная и эффективная военная доктрина России.

Важно подчеркнуть, что обладание большой территорией не связано обязательно с имперскими амбициями и имперской политикой. Как говорят, если собаке дать плохое имя, то потом ее можно спокойно убить. Поэтому стоит задаться вопросом: кому выгодно было называть нашу страну «империей, которая обязательно должна развалиться»? Почему бы не именовать ее, пусть даже используя клише эпохи «развитого социализма», «устойчивой исторически сложившейся общностью» или «восточноевропейским общим домом»? Всякий дом несовершенен, но от этого необходимость его ломки неочевидна. Наша страна не была империей, потому что во всех известных в истории человечества империях метрополия жила лучше своих вассалов. Только в России во

многих случаях было наоборот. Что делать в первую очередь для укрепления внутренней стабильности страны? Решить, наконец, проблему не оправданного каким-либо особым служением государству многократного имущественного превосходства самозванного «креативного меньшинства». К сожалению, «бедные люди» не только тема времен Федора Михайловича, но и тема нашей современности. Проблемы бедных людей у нас в СМИ мало освещаются и замещаются бедами людей, которые свойственны гражданам любого достатка, то есть преимущественно криминальной хроникой, — хитроумный ход увода от проблем малоимущего большинства России. Вспомним «Элегию» Некрасова:

*Пускай нам говорит изменчивая
мода,
Что тема старая «страдания
народа»
И что поэзия забыть ее должна,
Не верьте, юноши! Не стареет
она.*

Извечная проблема обустройства России и исходы большинства ее реформ

Много написано о том, что делать и как обустроить Россию, немало было и есть практических «деланий» и «обустройств». Успехи незаметны. В чем причина? Российский народ по природе своей более аполитичен, чем политичен (я не согласен с антиномией Бердяева, что русские и аполитичны, и политичны в равной степени). В той сфере, которую мы называем политикой, русский народ живет по христианскому принципу «кесарево кесарю, а Божие Богу» (Матф. 22:21). О том, что русские по ментальности не любят вхождения во власть, сторонятся этого, не стяжают власть, эм-

пирически свидетельствует не только история русского народа, но и народная мудрость. Слова «каган», «князь», «царь», «монарх», «император», «генсек» происходят не от русских корней. В русских народных сказках есть немало примеров того, что человек с русской ментальностью не стремится к власти, даже если она ему дается в руки.

Всплески спонтанной душевной жизни русского народа — русские бунты и революции, бессмысленные и беспощадные, — не суть выражение политичности русских.

Даже наиболее успешные примеры реформаторства могут оказаться сомнительными при их системном анализе. Например, мы еще не имеем убедительного доказательства (оно и невозможно), подтверждающего полезность реформ Петра I для всей истории России. Мы знаем о положительных сдвигах, произошедших благодаря реформам Петра I. Но, быть может, еще большие положительные сдвиги имели бы место без их внедрения. Не исключено, что традиционным и естественным путем в России развивалось бы что-то лучшее, и она стала бы не менее великой, не менее морской, не менее просвещенной и научной державой. Быть может, вместо Санкт-Петербурга в другом месте Отечества стоял бы прекрасный русский город, построенный не в западном стиле, к тому же не на костях и крови. Преклонение перед достоинствами западного уклада жизни заложено у нас с петровских времен. Это породило неизжитое до сих пор противостояние западников и славянофилов. С этих времен засел в нас космополитизм, так любезный обществу потребления и торговли всем и вся. У нас с таким пафосом говорят о достоинствах автомобилей иностранного производства,

Николай Рерих. Мост славы. 1923 год



Россия – одна из лучших (если не лучшая) стран для душевного комфорта человека, следовательно, вообще для человеческой жизни. То есть Россия в определенной степени при всех ее бедах и неустроенности является Беловодьем, землей, благоприятной для жизни в душевно-духовных измерениях.

как будто деды, отцы говорящего и он сам умом, душой и телом причастны к созданию этих авто, а отечественные авто создавали как будто некие чуждые нам, но все же, увы, соотечественники. Кто заботится о родной стране, тот думает и делает то, чтобы отечественная промышленность в наибольшем числе отраслей была конкурентоспособной, а не занимается ехидными насмешками в адрес своей же собственной (но, увы, нелюбимой) родины. Нет иного пути выживания.

Почему же тогда некоторые реформы удаются? Думаю, чаще всего — по закону случая, а отнюдь не в связи с мудрыми предвидениями реформаторов.

Теперь посмотрим с другой стороны на причины извечной нестабильности социально-экономического уклада России. Как обыватель со своей

организованной и законсервированной жизнью отличается от порывистого, открытого к жизни человека, находящегося в постоянном познании самого себя и поиске своей идентичности, так и Россия отличается от благодушствующих западных государств с «подлинной демократией» и «устойчивым развитием». Русский народ протестует против подавления свободы культом труда как в западном буржуазном, так и в советском коммунистическом обществах. Здесь под трудом я понимаю труд как таковой, без удовольствия, радости и творчества, то есть труд, называемый в физике «работа».

У российского государства два полюса — народ и правительство. Россия — страна непрерывного поиска смысла жизни народом и почти непрерывного реформаторства, учиняемого правительством. В итоге приходится сделать вывод, хо-

чется нам этого или нет, что постоянные изменения государственных институтов и всей государственности в России являются неотъемлемой чертой ее прошлого и неизбежны в ее будущем. Указанный феномен российской идентичности обусловлен взаимосвязью двух факторов. В онтологической части это — установка россиян на непрерывный поиск индивидуального и национального смыслов жизни (личной и национальной идеи), в феноменологической части — волюнтаризм власти, вхождение в которую так не мило русскому народу. Скажу с уверенностью, что неустойчивость с поисками смысла жизни лучше устойчивости без поисков смысла.

С чего начинается Родина? — вот в чем вопрос.

Как хорошо сказал Пушкин:

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отческим гробам.*

«Любовь к родному пепелищу» — это, конечно, любовь и интерес к отечественной истории, преданиям старины глу-

бокой. Без памяти нет нормального человека, как нет и нормального народа. «Любовь к отеческим гробам» — это, конечно, любовь к предкам: к матери и отцу, к бабушкам и дедушкам — словом, ко всем пращурам.

Жизнь в родном культурном окружении — национальные песни и танцы, кушанья и напитки, народные герои и святые места, «дым отечества»... Кто-то может жить вне всего этого, но это пресная жизнь без того жизнеутверждающего и прекрасного, что дает хотя бы один только фольклор. На концерте хора имени Митрофана Пятницкого такой человек увидит только хореографическое мастерство и услышит лишь профессиональное хоровое пение, но не сможет почувствовать самого важного — как в целостном представлении дышит и живет вся Россия.

Лавра, основанная преподобным Сергием Радонежским, является религиозным национально-духовным центром России. Лавра в лице преподобного вдохновила на ратный подвиг русских на Куликовом поле. В лавре находится церковь святой Троицы с богородицей архитектурой. Лавра и преподобный Сергей вдохновили преподобного Андрея Рублева на творение иконы «Троица». Таким образом, лавра и преподобный Сергей Радонежский, «Троица» и преподобный Андрей Рублев — первый и второй символы русского духа.

Выбор православия князем Владимиром неслучаен, это Богом данный путь для России. Православие объединило Россию вначале духовно, а затем и в государственно-политическом отношении. Российский народ осознал одну из ипостасей своего этического «я». Процесс духовно-нравственного и государственно-политического объединения России символически связан

с именами святого равноапостольного князя Владимира и преподобного Сергия Радонежского. Киевская Русь в лице святого равноапостольного князя Владимира дала русским христианство, Московская Русь в лице преподобного Сергия Радонежского дала русским духовное возрождение и национальную свободу. Святой равноапостольный князь Владимир и преподобный Сергей Радонежский — это не только символы российского единства, но они и сами по себе суть Идея России в онтологическом понимании.

Помимо фольклора как носителя национального духа есть и гениальные (напомню, «гений» в переводе с латинского — дух, покровительствующий народу) носители и выразители национальной идеи. Среди них Александр Пушкин, Николай Гоголь, Федор Достоевский, целый ряд русских композиторов. Есть герои — защитники Отечества: Дмитрий Донской, Александр Невский, Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский, Александр Суворов, Михаил Кутузов, Павел Нахимов. Есть святые — например, преподобные Сергей Радонежский и Серафим Саровский. Есть города и столицы, храмы и монастыри, терема и палаты, дворцы и срубы-пятистенники. Имена носителей и выразителей национального духа — гениальных писателей, поэтов, композиторов, художников, выдающихся защитников России, святых людей и мест — становятся неотъемлемыми символами, связанными с глубинными смыслами национального самосознания. Предание их забвению, к чему обычно прибегали захватчики в нашей стране — западничество и космополитизм, — ослабляло российское самосознание, а вместе с этим приводило к ослаблению чувства

национальной идентичности. Столица государства всегда является символом нации. Для нашего государства в исторической последовательности это — Киев, Москва, Санкт-Петербург и вновь Москва. Когда мы думаем о России, Пушкин всегда рядом:

*Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!*

Кушанья — неотъемлемый элемент национальной культуры и фактор сохранения традиций. Тайнство совместной трапезы — это важнейшая часть единения людей. Кушанья и напитки — не только сами по себе, но и в традиционной связи с обрядами, песнями, танцами — выполняют связующую функцию различных ипостасей национальной культуры. Русские квас, пироги, пельмени или татарские кыстыбый, перемячи и губадия — неотъемлемые составляющие национальной культуры.

Тот не вполне русский, кто ни разу не пил водки и не закусывал ее квашеной капустой.

Тот не вполне русский, кто в детстве не слушал русских народных волшебных сказок.

Тот не вполне русский, кто стремится к власти не как к средству, а как к цели.

Россия — одна из лучших (если не лучшая) стран для душевного комфорта человека, следовательно, вообще для человеческой жизни. То есть Россия в определенной степени при всех ее бедах и неустроенности является Беловодьем, землей, благоприятной для жизни в душевно-духовных измерениях. Динамичная ситуация выбора в состоянии кризиса, надо думать, для русских важнее, чем сам выбор. Это ситуация, когда сила духа намного превосходит культовое ублажение тела. 